

ОТЗЫВЪ СТРОЕВАГО.

Статья „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“, вызвавшая горячія опроверженія, не могла остаться незамѣченной и между нами, строевыми офицерами. Общій характеръ этой статьи такъ близко и вѣрно затрогивалъ существеннѣйшіе вопросы военнаго быта, что нельзя было не проникнуться невольнымъ сочувствіемъ къ нѣкоторымъ предложеніямъ автора.

Вотъ причина, по которой мы рѣшились помѣстить на страницахъ „Военнаго Сборника“ очеркъ того впечатлѣнія, которое произвела на насъ упомянутая статья.

Послѣдняя и предшествовавшая ей статьи г. Драгомирова имѣютъ цѣлю разработку двухъ вопросовъ: дисциплинарнаго и уставнаго. Остановимся на первомъ. По нашему мнѣнію, въ своихъ разсужденіяхъ о дисциплинѣ авторъ желаетъ провести одно—необходимость такого обращенія съ подчиненными, которое строго отвѣчало бы высочайше утвержденнымъ на сей предметъ правиламъ. Въ его статьяхъ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы *не руководствоваться* предписанными правилами, какъ это кажется инымъ. А если и находимъ въ его строкахъ указаніе на какое-либо улучшеніе, то мы понимаемъ подобныя указанія, какъ личныя предложенія и заявленія автора въ пользу военнаго дѣла; но развѣ можно принимать ихъ за совѣтъ не исполнять устава? Намъ кажется, что „Военный Сборникъ“ есть такой уголокъ, гдѣ должны находить мѣсто всѣ мнѣнія, внушенныя любовью къ военному дѣлу.

Мы понимаемъ нашу службу только при страстномъ увлеченіи ею: влюбившись въ свою часть, каждый напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы она была лучше. Знакомясь съ

нею въ ежедневной трудной и копотливой работѣ, каждый, разумѣется, находить то одно, то другое не совсѣмъ подходящимъ къ окружающимъ его требованіямъ. Вотъ и хочется высказать свои впечатлѣнія, ради преуспѣванія общаго дѣла. А между тѣмъ у насъ для этой цѣли есть военный журналъ, при посредствѣ котораго можно выяснитъ тотъ или другой интересный для насъ вопросъ.

Конечно, не все то, что пишется, возбуждаетъ общій интересъ; но встрѣчаются такія статьи, о которыхъ говорятъ много, которыя вызываютъ толки, обсуждения, разностороннія мнѣнія. Къ этого рода статьямъ принадлежитъ помѣнутая статья г. Драгомирова, хотя, собственно говоря, она въ сущности и не представляетъ особенной новизны заявленій. Разбирая ихъ, безпрестанно приходится слышать: „да это такой-то полковдецъ еще тогда-то требовалъ, а другой иначе и не дѣлалъ“. Въ то же время раздаются голоса съ замѣчаніями: „нельзя ломать старое, не давъ новаго; подобная система приведетъ только къ тому, что пожалуй *молодежь* и учиться не станетъ существующему“. Общій интересъ, возбужденный статьею г. Драгомирова, какъ намъ кажется, происходитъ оттого, что въ ней авторъ затронулъ живыя струны военного быта; такъ, напримѣръ, уважемъ на вопросъ объ обращеніи съ солдатомъ, вопросъ, который приходится примѣнять на дѣлѣ людямъ близко и ежедневно поставленнымъ въ сношенія съ радывымъ. Изъ нихъ есть еще не мало такихъ, которые, ставъ въ непосредственное отношеніе къ нижнему чину, поведенному по новому дисциплинарному положенію, сами остались при прежнихъ убѣжденіяхъ.

Намъ кажется, что подобныя лица готовы высказывать жалобы на обновленные взгляды, и въ этихъ жалобахъ чело-вѣку, близко наблюдающему дѣло, ясно можно видѣть борьбу новаго порядка со старымъ.

Надобно признаться, что подобная борьба нерѣдко происходитъ отчасти отъ неумѣнья взяться за дѣло, отчасти отъ дѣйствительной трудности примѣнить къ дѣлу то или другое требованіе. Вотъ почему нерѣдко видишь, что кажется все употреблено, чтобы сдѣлать получше, а между тѣмъ одна неудача погоняетъ другую. Тогда является раздраженіе и изнемогаетъ обезсиленное самолюбіе. А годы проходятъ; съ ними истощаются и энергія, и сила воли. Другому уже давно

пора и эскадронъ принять, а онъ все сидитъ въ ожиданіи вакансіи, и, главное, сидитъ, не имѣя никакого серьезнаго, отвѣтственнаго дѣла. При такомъ положеніи и приходитъ невольно мысль о томъ, что извѣстнымъ годамъ должно соотвѣтствовать извѣстное назначеніе, извѣстный кругъ дѣятельности.

Вѣдь если эскадронный командиръ хорошъ въ 30 лѣтъ, то онъ будетъ уже не тѣмъ, принявъ часть на 40 году. Быть можетъ, подобныя мысли и не приходили бы въ голову, если бы у насъ каждому чину отвѣчали извѣстныя обязанности и занятія, или если бы въ двухъ смежныхъ полкахъ не встрѣчалась рѣзкая разниа въ производствахъ въ чины.

Тѣмъ не менѣе подобныя разсужденія нисколько не мѣшаютъ исполнять свои обязанности свято тому, кто поступилъ въ военную службу и связанъ съ нею любовью и честнымъ словомъ присяги. У себя дома разсуждай сколько хочешь, а въ строю дѣлай что приказываютъ.

При такомъ взглядѣ—единственно возможномъ, по нашему мнѣнію — на служебныя обязанности намъ всегда казались странными замѣчанія, что такая-то литературная статья можетъ имѣть дурное вліяніе, можетъ отбить охоту заниматься дѣломъ. Опасенія подобнаго рода предполагаютъ слишкомъ большую шаткость убѣждений въ извѣстной сферѣ, если печатная страница можетъ произвести такой переворотъ. Если же заявленныя мнѣнія наши полное сочувствіе, то изъ этого слѣдуетъ, что они попали въ тактъ, представили сводку того, что приходило въ голову многимъ. Если эти доводы не совѣмъ розоваго цвѣта, то, слава Богу, что они выставлены наружу на общее обсужденіе; но они всегда и останутся на бумагѣ, безъ примѣненія къ дѣлу, впредь до узаконенія. Если, положимъ, эскадронный командиръ рѣшается раздѣлять мнѣніе о томъ, что у него офицеръ не знаетъ устава только потому, что находитъ его несовершеннымъ, намъ бы очень хотѣлось видѣть, изъ чего „сдѣланъ этотъ начальникъ?“ (*)

По нашему мнѣнію, никакая напыльная идея, не отвѣчающая требованію истиннаго порядка, не можетъ даже укрѣпиться въ полку, въ которомъ есть старшіе офицеры и эскадронные командиры, обязанные вести полкъ въ извѣстномъ направленіи. Я не говорю безусловно: злоупотребленія могутъ

(*) Выраженіе одного изъ старыхъ, уважаемыхъ кавалеристовъ, который и теперь занимается одною изъ отраслей коннаго дѣла. *Зам. авт.*

выйти и отсюда. Но когда направленіе будетъ истекать изъ желанія поддерживать кавалерійское настроеніе, *знакомясь и усвоивая* всевозможныя требованія начальства, изыскивая способы лучшаго ихъ примѣненія; когда всякое хорошее кавалерійское сочиненіе не будетъ чуждо большинству, а прочитанное и разобранное уляжется, такъ сказать, въ основу кавалерійскаго дѣла; когда, такимъ образомъ, начальствующій и подчиненный, въ своемъ домашнемъ кругу, обмѣняются своими впечатлѣніями — что выходитъ безъ всякаго ущерба службѣ — тогда начальникъ, способный вести ввѣренную часть къ указанной цѣли, не станетъ бояться того, что его офицеры не захотятъ заниматься уставомъ.

Сходясь въ подобныхъ занятіяхъ, обобщится и взглядъ на отношенія офицеровъ къ рядовымъ, и яснѣе, толковѣе почувствуется необходимость и *способы* помощи офицеровъ своему эскадронному командиру.

Положимъ, что приказы послѣдняго времени дѣйствительно требуютъ того, чтобы каждый изъ насъ занимался въ своемъ эскадронѣ. Это и примѣняется на самомъ дѣлѣ по нѣкоторымъ видамъ обученія. Но развѣ этого довольно? По нашему мнѣнію, лишь нѣсколько видовъ занятій обнимаютъ такую малую часть изъ всей системы образованія, что въ смыслѣ того вліянія, которое офицеры должны имѣть на нижнихъ чиновъ, они почти ничего не значать. Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что главная отрасль этихъ нѣсколькихъ занятій есть унтеръ-офицерская школа; польза отъ того получаетъ грамотныхъ унтеръ-офицеровъ. Совершенно такъ; слава Богу, что хоть это есть. Но намъ кажется, что отъ одной грамотности и гипнологии, которую читаютъ въ унтеръ-офицерскихъ школахъ, еще очень немного толку; рядовому необходимо имѣть ясное и толковое понятіе объ истинной воинской доблести, о чести полка, о томъ беззавѣтномъ самоотверженіи, съ которымъ онъ всего себя долженъ приносить въ жертву своей родинѣ. Это понятіе должно распространяться не въ одной школѣ, а въ цѣломъ полку. Но и здѣсь мнѣ могутъ возразить, что такъ и дѣлается, что всегда есть офицеръ, завѣдывающій грамотою въ эскадронѣ. Мы позволимъ себѣ отвѣтить, что это капля въ морѣ. Грамота можетъ идти успѣшно и безъ офицера, если есть въ эскадронѣ люди умѣющіе читать. Надо ввести только извѣстный порядокъ, и успѣхъ обученія будетъ

очень хорошій. Гораздо важнѣе развить солдата бесѣдою съ нимъ; изучить складъ его мыслей, незамѣтно, но весьма сильно измѣнившійся съ отмѣною тѣлеснаго наказанія. Скажутъ, что наше войско всегда было доблестно и безъ такихъ за- тѣй. Другія времена, другіе нравы—отвѣтимъ мы; и до такой степени другіе, что возвратъ къ розгѣ и къ прочему показался бы теперь дикимъ даже тѣмъ, которые болѣе всего сѣ- туютъ о мнимомъ ослабленіи дисциплины.

Но розги уничтожены; введенъ дисциплинарный уставъ; дѣйствовать на основаніи его — дѣло трудное съ непривычки.

Что его трудно примѣнять къ дѣлу, это ясно изъ того, что безпрестанно слышатся жалобы въ родѣ слѣдующихъ: дисциплина падаетъ; солдатъ на карцеръ смотритъ какъ на средство выпастыся; уничтоженіе артельныхъ книжекъ произ- вело безсрочно-отпускной пролетаріатъ, а въ силу его раз- вились воровство и пьянство....

Тотъ, кто служить въ строю, тотъ вѣроятно сознается, что не разъ слышалъ подобныя возгласы. Намъ кажется, что все это доказываетъ не одинъ низкій нравственный уровень ниж- нихъ чиновъ, но также и то, что офицеры не вполнѣ еще усвоили себѣ понятія объ отношеніяхъ, въ которыя они долж- ны стать къ своимъ подчиненнымъ на основаніи новыхъ дис- циплинарныхъ положеній, и не дѣлаютъ ничего, чтобы под- нять нравственный уровень нижнихъ чиновъ.

Причинъ къ такому положенію офицерства въ массѣ войскъ довольно. Правда, есть счастливыя случайности, но онѣ на- перечетъ. Большею частью, офицеръ, до принятія эскадрона, только на ученіяхъ является въ строю; въ остальное время онъ почти посторонній въ направленіи образованія.

Если же офицеръ и появляется, какъ это стало дѣлаться въ послѣднее время, то вся дѣятельность его ограничивается ѣздою на молодыхъ лошадяхъ, знаніемъ людей своего взвода: словомъ, одна только внѣшняя сторона. Хоть приказы и требуютъ, чтобы каждый изъ насъ училъ свой взводъ въ манежѣ, но вѣдь это почти единственный и, по нашему мнѣнію, далеко не главный отдѣлъ занятій, въ которомъ офицеръ можетъ быть даже *понужденъ* къ исполненію. Въ военномъ дѣлѣ, какъ строй, такъ и нравственное развитіе одинаково важ- ны, особенно при настоящемъ молодомъ составѣ людей, ког- да въ нѣкоторыхъ эскадронахъ на 157 человекъ прихо-

дится не болѣе 30 старыхъ, считая съ унтеръ-офицерами; когда нашъ дисциплинарный уставъ *предписываетъ сознательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ*, когда требуетъ близкаго знанія наклонностей и поведенія подчиненнаго, чрезвычайной осторожности и разборчивости въ наложеніи наказаній, ибо каждое изъ нихъ, по строгому смыслу устава, ведетъ рядоваго къ лишенію извѣстныхъ правъ по службѣ. Прежде этого не было. Провинившійся нижній чинъ могъ быть нѣсколько разъ наказанъ даже розгами, но нашивку свою продолжалъ носить и въ безсрочный отпускъ уходилъ вмѣстѣ съ другими. Теперь же три проступка ведутъ ко внесенію въ рядъ штрафованныхъ, и можетъ случиться, что два лица, провинившіяся по три раза, *подвернутся одному и тому же взысканію*, которое по виду своему будетъ даже подходить къ проступкамъ ихъ обоихъ. Но если вникнуть въ характеры провинившихся, въ причины, вызвавшія проступки, то окажется, что съ нихъ нельзя взыскать одинаково, и, быть можетъ, придется одному изъ нихъ сдѣлать нѣкоторое снисхожденіе. Узнать же это и, въ случаѣ надобности, дать осмысленный положительный отвѣтъ, можетъ только тотъ, кто близко знаетъ своего подчиненнаго съ его нравственной стороны.

А это можетъ сдѣлать только тотъ, кто постоянно бываетъ съ подчиненнымъ, кто частымъ обращеніемъ съ нимъ привыкнетъ и съумѣетъ подѣйствовать на его *самолюбіе*, на складъ его *воззрѣній*. Только при этомъ условіи неослабнаго и толковаго надзора, офицеръ поведетъ свою часть въ указанномъ направленіи, въ духѣ дисциплины и къ нераздѣльнымъ съ нею подвигамъ доблести и славы.

Вотъ почему намъ кажется, что наше дисциплинарное положеніе обуславливаетъ почти непрерывный надзоръ и отношеніе офицеровъ къ нижнимъ чинамъ, и притомъ, конечно, безъ *способности надопдать ему*. А этого-то именно отъ офицера, взятаго въ той обстановкѣ, въ какой мы теперь находимся, врядъ ли можно требовать.

Хотя правительство и заботится о средствахъ для нашего существованія и образованія, однако офицеръ не на столько обезпеченъ въ своемъ быту, чтобы иногда не пожертвовалъ своими служебными обязанностями въ пользу другому, насущному для него частному интересу.

Конечно, въ виду отстраненія подобныхъ отклоненій отъ обязанностей, могли бы быть приняты строгія и понудительныя мѣры; но будетъ ли отъ того польза — это другой вопросъ.

Намъ кажется, что отъ одного приказанія, въ этомъ случаѣ, выйдетъ скорѣе вредъ. Приказать выучить строевой уставъ можно; тутъ нѣтъ дѣла до того, сочувствуетъ ли офицеръ той или другой формѣ построенія; но обязанность воспитанія рядоваго должна вытекать изъ сознанія, что на офицерѣ лежитъ священный долгъ обречь себя такому дѣлу.

По нашему мнѣнью, никогда офицеръ не долженъ говорить: „я не могу сдѣлать того-то потому, что за это съ меня взыщутъ“. Это выраженіе должно замѣниться другимъ: „я не сдѣлаю этого потому, что оно противно моей обязанности, или не отвѣчаетъ моему назначенію“. Вотъ подобнаго-то сознанія долга, распространяя его на послѣднія мелочи военнаго быта, и не достаетъ намъ. А не достаетъ потому, что мы совсѣмъ не занимаемся развитіемъ своей нравственно-военной стороны.

И въ этомъ отношеніи нашъ офицеръ отсталъ отъ того положенія, въ которомъ онъ долженъ стоять передъ солдатомъ, обвѣреннымъ современнымъ дисциплинарнымъ уставомъ. Отъ этого пробѣла и выходятъ другой разъ такіе случаи, которые невольно бросають тѣнь то на начальника, то на извѣстную часть: промахъ былъ сдѣланъ двумя-тремя лицами, а обвиненіе влеймитъ всѣхъ!...

Можетъ быть, мы и не правы, но утверждаемъ по убѣжденію, что у насъ еще недостаточно развито сознаніе долга въ томъ высшемъ смыслѣ, когда долгъ связываетъ не только офицера съ солдатомъ, но и сдружаетъ всѣ роды войска. А безъ этого многое неосуществимо. Послѣднему горю было бы можно помочь, если бы нашлось какое-нибудь мѣсто, куда всѣ военные могли бы собираться какъ къ себѣ домой, съ цѣлю заниматься разработкой военнаго дѣла, въ какомъ бы родѣ ни проявлялись подобныя занятія: въ видѣ ли лекцій, въ разборѣ ли замѣчательнаго сочиненія и т. п. При дѣльномъ направленіи подобнаго собранія, могла бы выковываться хорошая военная закалка, если возволено будетъ такъ выразиться. Намъ могутъ замѣтить, что мы выписываемъ прочитанное изъ недавно напечатаннаго въ „Военномъ Обзорѣннѣ“ „Военнаго же Сборника“. Да хоть бы и такъ!

Намъ положительно извѣстно, что въ прошломъ году кавалерійскіе офицеры начали было собираться съ этою цѣлю, и, какъ мы слышали, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній и затрудненій дѣло пошло наладъ; но доброму началу, кажется, пришелъ несвоевременный конецъ. Какія тому причины, не знаемъ. Должно быть есть причины, хотя, вѣроятно, легко устранимыя.

Могутъ сказать, что нечего объ этомъ хлопотать, потому что русскіе офицеры образованнѣе офицеровъ прочихъ европейскихъ армій. Да вѣдь за то и солдатъ нѣкоторыхъ европейскихъ армій стоитъ на довольно высокой степени развитія; а у насъ каждый поступившій въ ряды вѣдь тотъ же самый крестьянинъ, что былъ и за сорокъ лѣтъ назадъ: только служба короче, а дисциплинарный уставъ совсѣмъ новый. Вотъ солдатъ и знаетъ, что бить теперь не приказано, а зачѣмъ бить не приказано, и каковъ онъ долженъ вслѣдствіе этого быть—этого солдатъ не знаетъ: „не приказано, такъ и кончено; не смѣй, значить, бить!“ Каждому понятно, на сколько важно, во всѣхъ отношеніяхъ, нравственное развитіе солдатъ при подобныхъ условіяхъ, и какъ много нужно для этого труда и вниманія со стороны и офицера. Заставить же офицера исполнить эту обязанность можетъ одно: *святое, беззаветное сознаніе долга*. Вѣдь дѣло-то не легкое, тяжело-трудное, успѣхъ котораго обнаружится не завтра, а черезъ нѣсколько рабочихъ лѣтъ; да и насладиться-то имъ не всегда придется тому, кто ведетъ свою часть, а верѣдко его преемнику; а тамъ что-то еще будетъ: пожалуй, всѣ благія начинанія и труды не будутъ поддержаны и заглохнуть. Вотъ и шевельнется въ груди чувство грустное....

Позволивъ себѣ прійти къ такому грустному предположенію, поневолѣ перенесешь мыслію и къ нашимъ смотрамъ. Хотя о смотрахъ немало уже говорилось въ нашей военной литературѣ вообще, а также по поводу статьи г. Драгомирова, но мы отъ себя прибавимъ только то, чего бы хотѣлось нашему брату строевому. Въ послѣднее время, въ этомъ отношеніи, сдѣланы важныя нововведенія. Смотры назначаются почти внезапно, и хотя такая неожиданность не всегда бываетъ по вкусу, потому что все думаешь: вотъ бы еще недѣльку подождать, совсѣмъ бы другое вышло, а между тѣмъ очевидная польза этого нововведенія невольно сознается. Только при неожиданности смотра и можно видѣть дѣйствительное

состояніе части въ извѣстное время. Но каждый изъ насъ опасается, что взятое на выдержку можетъ попасть такъ неудачно, что хорошаго-то и не придется показать. А потому мы желали бы имѣть смотры двухъ видовъ: одни смотры, какъ *конечный выводъ, для повѣрки всего, что дѣлалось въ извѣстное время* года; слѣдовательно, подобные смотры должны быть производимы непременно по истеченіи извѣстнаго срока, въ который предписывается проходить тѣ или другія отдѣлы строеваго образованія. Второй же видъ смотровъ, въ неопредѣленное время, давалъ бы начальнику понятіе о томъ, какъ обучающій ведетъ свою часть, на что онъ именно обращаетъ вниманіе. Каждому изъ насъ желательно, чтобы начальникъ узналъ, какимъ способомъ мы передаемъ обучающемуся то, что отъ него требуютъ; способенъ ли обучающій разъяснить ученику толково тѣ условія, при которыхъ всадникъ долженъ выказаться лихимъ наѣздникомъ; въ состояніи ли мы необтесанному рекруту дать ту кавалерійскую осанку, при которой каждый посаженный на сѣдло, безъ всякой натяжки, свободно владѣетъ конемъ, каждое нетерпѣливое движеніе котораго зажигаетъ въ глазахъ еще недавняго рекрутика тотъ огонь любви и удовольствія, который какъ бы говорить вамъ: „я справлюсь съ конемъ, какъ онъ ни вертись подо мной“.

Полагаемъ, что, при подобномъ направленіи смотровъ, они болѣе удовлетворяютъ своему назначенію, нежели тавіе, при которыхъ эскадронный командиръ рассчитываетъ на второстепенныя, но бросающіяся въ глаза тонкости, которыя придаютъ показываемой части однообразный и правильный наружный видъ, представляющій ее въ выгодномъ свѣтѣ.

Да не подумаютъ однако, что мы хотимъ сказать, будто инспектирующій многого не видитъ изъ того, что осматриваетъ. Мы далеки отъ подобнаго предположенія; но кто же не согласится, что на смотру многое и многое неизбѣжно ускользаетъ отъ глазъ начальника. Вѣдь надо помнить, что часто маловажное обстоятельство имѣетъ вліяніе на успѣхъ или неудачу смотра. Застоялись лошади или продрогли, шерсть поднялась, и видъ выходитъ дурной; а кони горячатся: вмѣсто того, чтобы идти рысью—они заскакиваютъ.... Вотъ первое впечатлѣніе и плохо. Наконецъ, даже одежда имѣетъ значеніе. Одѣньте вы всадника въ шаровары поновѣе, подлиннѣе, и покажется, что онъ сидитъ красиво; тотъ же самый въ ста-

рыхъ рейтузахъ, штрипки которыхъ торчатъ на цѣлый вершокъ выше подошвы, уже теряетъ нарядность. Да простятъ намъ перечень подобныхъ мелочей, повидимому, до крайности ничтожныхъ для того, чтобы имѣть вліяніе на смотръ (*); но мы обращаемся къ тѣмъ, кто не разъ на себѣ испыталъ ихъ значеніе, и увѣрены, что таковымъ все это не покажется мелочнымъ.

Всѣ эти обстоятельства позволяютъ намъ желать того, что мы высказали, и желать не ради оужденія существующаго, не изъ желанія навязать свои мнѣнія, съ явною или тайною мыслию, что они только и хороши, а все старье не годится; нѣтъ, мы, можетъ быть, и ошибаемся, но говоримъ руководствуясь безкорыстнымъ желаніемъ пользы. Говоримъ вполне убѣжденные, что какъ бы ни былъ высоко поставленъ начальникъ, ему можно отвести глаза уже по одному тому, что онъ человекъ; можетъ быть, иногда, онъ очень охотно выслушаетъ мнѣніе лица, хоть и мало опытнаго, но разсуждающаго въ духѣ той дѣйствительности, съ которою ему приходилось нѣкогда возиться самому.

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ и объ уставной части нашего образованія.

Что касается статьи г. Драгомирова, то, признаемся, мы въ ней не нашли ничего располагающаго не наблюдать сомнѣности или равенія. Выраженіе „равняться по переднему“ и раньше упомянутой статьи не разъ соблазнительно приходило намъ въ голову, рисуя въ воображеніи атаки Зейдлица или взятіе редутовъ конными полками Суворова.

Примѣнимость этого выраженія мы допускали, разумѣется, не тогда, когда часть равняется на мѣстѣ; но именно съ той минуты, когда эскадронъ пущенъ во весь опоръ, когда и послѣдняя кляча напрягаетъ запясець своихъ силъ, чтобы выровняться по опередившему коню. Въ этомъ случаѣ мы желали бы признавать одинъ видъ ровности: какъ только произнесено послѣднее слово команды, чтобы все слушающее *разомъ* ринулось и понеслось стрѣлою съ тетивы.

Посмотрите, какое молодецкое оцѣненіе удальствомъ и лихостью будетъ въ этомъ ураганѣ!

(*) Передача подобнымъ „мелочей“ во всеобщую извѣстность—дѣло въ высшей степени важное; редація не только искренно благодаритъ почтеннаго автора за его указанія, но и заявляетъ искреннее желаніе, чтобы смотровымъ спорозки получили наконецъ главность для пользы дѣла.

А между тѣмъ соблюденіе или несоблюденіе этого правила приводитъ иногда къ весьма продолжительнымъ спорамъ.

Послушайте, что толкуютъ послѣ смотра какіе-нибудь два полка, вѣроятно, сознающіе свои слабыя стороны: „помилуйте—говорить одинъ—что у васъ за карьеръ, это какой-то растяжной галонъ“. — „Допустимъ—отвѣчаетъ другой—что вы скакали и шибче нашего, да вѣдь за то дистанцій не было, а у насъ какъ отмѣренные“. Вотъ и пойдутъ толковать. Одинъ увѣряетъ, что дистанцій и быть не можетъ, потому что всадникъ гонитъ лошадь изъ всей мочи, а прыть-то у лошадей разная; да и смотреть не мѣру дистанцій, а быстроту; поэтому у насъ скачутъ на брошенномъ поводѣ, и въ каждомъ вы видите, какъ бы желаніе шею сломать; у васъ же въ поводья вцѣпились, прибавляетъ разгорячаясь первый. Ему въ отвѣтъ доказываютъ, что все это происходитъ оттого, что „у васъ поводъ и совсѣмъ нѣтъ“. И кончится тѣмъ, что оба разойдутся недовольные другъ другомъ. На слѣдующій разъ немѣющей дистанцій соберетъ передъ скачкой всѣхъ нешибкихъ лошадей въ середину эскадрона, и выравниются дистанціи: „что взялъ—думаетъ—вотъ тебѣ и дистанціи, а погоди немножко и поводъ будетъ“. А тотъ, съ своей стороны, еще что-нибудь придумаетъ.

Мы знали случай, какъ два очень уважающіе другъ друга человѣка постоянно расходились въ томъ, какъ избавиться отъ одного недостатка, весьма непріятнаго для кавалерійскаго начальника. По совѣту одного, слѣдовало употребить маленькую споровку, совершенно безгрѣшную, скорѣе полезную, чѣмъ вредную; но другой, никакъ не соглашаясь на это, хладнокровно отвѣчалъ: „непозволено, нельзя; пусть смотрятъ, что есть“. Между тѣмъ замѣчаній, непріятностей именно за это послѣдній имѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ первый. Кто же изъ нихъ болѣе правъ?

Перехода къ мнѣнію о томъ, что не всегда слѣдуетъ придерживаться порядка нумеровъ взводовъ или эскадроновъ, мы позволимъ задать себѣ такой вопросъ: какъ нужно сдѣлать построеніе, чтобы исполнить его лучше? Отвѣтимъ: чѣмъ проще, тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Слѣдовательно, когда непріятель мгновенно выскочилъ на нашемъ правомъ флангѣ, а эскадронъ идетъ во взводной колоннѣ справа, зачѣмъ же командовать: первый взводъ лѣвое

плечо впередъ! эскадронъ строй фронтъ направо! и ждать, пока это движеніе будетъ исполнено, тогда какъ простымъ движеніемъ повзводно направо въ мгновеніе достигается та же цѣль. Если это удобнѣе для эскадрона, то съ возрастаніемъ массы и удобство увеличится.

Прибавимъ, въ видѣ болѣе или менѣе необходимой оговорки, что на бумагѣ мы разсуждаемъ, но насъ никто не заставить бросить это построеніе, пока не будетъ приказано. Признаемся, что подобное построеніе, съ точки зрѣнія исполненія его, принадлежитъ къ числу ловкихъ и красивыхъ построений взводовъ.

Надо помнить, что для насъ всего важнѣе, чтобы люди не перепутались въ отдѣленіяхъ, чтобы они всегда могли сдѣлать поворотъ куда слѣдуетъ. При этомъ мы даже полагаемъ, что вышепомянутый видъ построения есть прямое слѣдствіе недавно вышедшаго приказа, которымъ строго предписывается: учить людей такъ, чтобы они, разсыпанные по всѣмъ направленіямъ, живо собирались и строились по своимъ мѣстамъ. Мы здѣсь видимъ указаніе на приученіе людей къ тому, чтобы они не терялись при какомъ-нибудь неожиданномъ построеніи, чтобы сметка ихъ развилась, чтобы всадникъ и лошадь его свободно отходили отъ строя и вездѣ были бы какъ дома; мы здѣсь видимъ желаніе добиться наконецъ того, чтобы часовой стоялъ въ цѣпи смирно. Казачьяго коня за два шага не услышишь, а нашъ конь, привыкшій къ сосѣдству другихъ, вѣчно ржетъ, да топчется.

Намъ кажется, что указанія на измѣненія, о которыхъ мы упомянули выше, производятъ иногда на иныхъ непріятное впечатлѣніе, по самому выраженію: надо дѣлать *не въ такомъ порядкѣ, а въ обратномъ порядкѣ*. На иное ухо слово: *въ обратномъ порядкѣ* звучитъ такъ, какъ бы предлагался *безпорядокъ*. По нашему же мнѣнію, въ уставѣ то называется порядкомъ, что отвѣчаетъ приказанію, а все, что не согласуется съ нимъ, есть *безпорядокъ*.

Слѣдовательно, все, что сегодня можетъ быть не порядкомъ, завтра будетъ самый строгій порядокъ.

Заручившись высказанными взглядами, мы, кажется, можемъ быть вполне убѣждены, что намъ не страшны никакія статьи: пусть говорятъ, пусть предлагаютъ; давай Богъ больше, потому что разнообразныя сужденія, высказанныя печатно, ше-

великъ умъ, возбуждаютъ споры и вызываютъ болѣе интереса къ дѣлу, а нерѣдко ведутъ и къ выясненію дѣла. Въ этомъ отношеніи, нашей конницѣ надо желать больше, чѣмъ другимъ родамъ оружія. У послѣднихъ все двинулось впередъ, и дерзко угрожаетъ уменьшить значеніе кавалерійскихъ подвиговъ, молодецкихъ налетовъ и кровавыхъ схватокъ сабли со штыкомъ.

У насъ утверждаютъ, что надо замѣнить степняками да казаками заводскихъ коней и людей; а хватитъ ли хорошихъ донцевъ на всю русскую конницу, о томъ не говорить.

Большинство тѣхъ, кто указываетъ на необходимость *только* степняковъ въ нашей кавалеріи, говоритъ: степнякъ неутомимъ, онъ легко выдерживаетъ холодъ и голодъ, только онъ одинъ способенъ дѣлать огромные переходы. Мы позволимъ себѣ сказать, что тотъ не кавалеристъ, кто не получитъ отъ своей заводской лошади всѣхъ этихъ условій. Чѣмъ кровнѣе конь, тѣмъ легче отъ него добиться главныхъ достоинствъ боеваго коня.

Отчего же верховая лошадь выходитъ такой нѣженкой, когда рядомъ съ ней стоящій кровный рысакъ весь свой вѣкъ чешетъ мостовую, но всегда сытъ, блеститъ и бодръ, а нерѣдко изъ барской упряжки поступаетъ къ лихачу—извощику и съ утра до ночи стоитъ на морозѣ, нисколько не теряя своей щеголеватости? Оттого, что его приучили къ подобному образу жизни. Какой бы ни былъ донецъ, приведите его къ намъ, онъ, въ нашу восьмимѣсячную зиму, въ особенности четырехъ или пятилѣтня, навѣрно заболѣетъ.

Говорятъ, заводскія лошади требуютъ хорошаго корма.— Во-первыхъ, я не знаю ни одного животнаго, которое требуетъ дурнаго корма; во-вторыхъ, спрашиваемъ строевыхъ кавалеристовъ: часто ли ваши лошади ѣдятъ хорошее сѣно? Не упоря казенную поставку сѣна, мы только скажемъ, что намъ зачастую приходилось встрѣчать дурное сѣно; но къ чести заводскихъ лошадей надо замѣтить, что они благополучно ѣли его по нѣскольку мѣсяцевъ, и это повторялось нерѣдко.

Все дѣло въ воспитаніи коня. Намъ нечего говорить о томъ, какъ онъ кормился до привода въ полкъ. Мы имѣемъ дѣло только съ ремонтомъ. Приводятъ его; въ немъ есть и заводская и донская порода; половина лошадей, разумѣется, переболѣетъ, въ томъ числѣ и донскія лошади. Наконецъ лошадь, приведенная въ полкъ, большею частью становится во всѣ

возможныя положенія, но только не въ такое, которое способствовало бы ея здоровью и выдержанности. По нашему мнѣнію, не порода виновата въ томъ, что у насъ нѣтъ вполне хорошихъ лошадей: виною тому до сихъ поръ была.... сама же кавалерія. Могутъ сказать, что всѣ приказы направлены къ тому, чтобы имѣть конницу хоть сейчасъ пригодную къ дѣлу; но это только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ выходитъ иначе (*).

Прослѣдимъ лошадь въ гвардейской кавалеріи съ привода ея въ полкъ. Доставляютъ ее осенью, когда еще не очень холодно и проѣздки дѣлать можно. Въ конюшняхъ отворяются двери, окна, и дѣло идетъ сносно. Но вотъ наступаетъ гололедица, когда никакія проѣздки по улицѣ невозможны; надо ковать на острые шипы или на винты, а это, скажемъ мимоходомъ, командиру дѣйствующаго эскадрона очень не нравится, потому что и тѣ и другіе ему въ это время хватятъ только на три дня, между тѣмъ какъ онъ ждетъ осенняго парада. Ковка же на винты, которая теперь, какъ намъ извѣстно, принята у многихъ для всѣхъ лошадей эскадрона, какъ единственное спасенье, обходится въ годъ до 1 руб. 50 коп. за лошадь, а отпускается только 1 руб. сер. Въ такой же соразмѣрности и прочіе расходы.

Какъ тамъ эскадронный командиръ ни приказывай дѣлать ежедневныя проѣздки на улицѣ, а вахмистръ все проситъ *„сдѣлать ему божескую милость“* позволить проѣздиться въ манежѣ: то шипы тупятся, то винтовъ много выходитъ — ну и согласишься. Вотъ уже и невольное отступленіе отъ приказа....

Затѣмъ, при началѣ благодатной осени, потрудитесь взглянуть въ конюшню во время утренней уборки. Ночью, разумѣется, въ конюшнѣ душно; что-то мокровато-кислое наполняетъ воздухъ, и эта влажная теплота, разумѣется, сидитъ на лошадяхъ; слѣдовательно, онѣ въ нѣкоторой испаринѣ. Въ этотъ-то одуряющій паровикъ начинается шмыганье съ холоднаго воздуха, приносятся всѣ данныя къ простудѣ людей, лошадей, болѣзни глазъ и проч. Уборка кончена, двери растворены, и послѣ ночной испарины, послѣ продолжительной чистки, конюшня наполняется холоднымъ воздухомъ и сквознымъ вѣтромъ (мы не знаемъ полковой конюшни безъ сквозника). Но

(*) Къ счастью, надянахъ строжайше подтверждено имѣть *овсяное тѣло*: но вѣдь такой приказъ давно ужъ былъ.....

Замѣч. автора.

это только начало; посмотрите что дѣлается съ лошадыю въ манежѣ.

Перейдемъ прямо къ тому времени, когда она ѣдитъ уже болѣе продолжительное время, чѣмъ въ первые дни своего привода. Отъѣздила смѣна и водить вспотѣлыхъ лошадей; между тѣмъ, въѣзжаетъ другая: обѣ мѣшаютъ другъ другу, а потому первыхъ невольно выведутъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ, хотя между ними много еще не просохшихъ. Правда, имъ покроютъ шею, но что значить эта покрывка на горло, когда все остальное тѣло мокро. Не забудьте, что при каждомъ конѣ есть всадникъ, тоже вспотѣлый, и оба они легко простуживаются. Такъ идетъ круглую зиму.

Позволимъ задать вопросъ: неужели все это приучаетъ лошадь къ чему-нибудь другому, какъ только къ легкой воспримчивости болѣзней? А между тѣмъ лошадь выдерживаетъ. Неужели это доказываетъ ея изнѣженность? Мы знаемъ, что степнякъ приученъ къ суровой непогодѣ, что онъ сносить жажду; но вѣдь онъ не знаетъ пронизывающаго сквознаго вѣтра конюшни, онъ не выскакиваетъ изъ теплаго манежа на двадцатиградусный морозъ.... И степнякъ, точно такъ же, какъ и заводская лошадь, околѣетъ отъ безкормицы.

Обратимся къ концу лагерей. Кончились маневры, лошадей ставятъ на траву, этотъ бальзамъ конскаго здоровья. Оставимъ счастливую случайность послѣдняго дѣтя, и не забудемъ, что на травѣ мы очутились въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Много если дней десять простоятъ хорошая погода; затѣмъ начинаются дожди, а съ ними мы получаемъ воды вдвое больше, чѣмъ травы, которая, сама по себѣ, давно уже обратилась въ осоку. Лошадей еще и не начинало слабеть, но пошли весьма чувствительные утренники, и эскадронный командиръ входитъ въ переборъ, кормить лошадей овсомъ, потому что иначе онъ приведетъ въ конюшню каличъ, вмѣсто поправившихся лошадей. Спрашивается: чтожь мы успѣли сдѣлать на травѣ?

Затѣмъ лошади поступаютъ на сухой кормъ и готовятся къ смотровой выводкѣ. Кому неизвѣстно, какими средствами достигается хорошій результатъ ея. Много ли между нами такихъ, для которыхъ основой служить непогрѣшимый приказъ объ овсяномъ тѣлѣ? Сколько споровъ, неудовольствій только изъ за того, что такой-то сталъ первымъ номеромъ, а тотъ послѣднимъ? Что поставило меня въ тотъ или въ другой номеръ,

вы, конечно, не уловите въ приказѣ. А между тѣмъ, для того, чтобы показать лошадей пожиривѣ, сколько эскадронныхъ командировъ ослабляли проѣздки и тѣмъ лишали лошадь всей силы благородныхъ движеній, дающихъ ей легкость, красоту и то гордое изящество, которое свойственно коню? Знаемъ, что на насъ возстанутъ за такое обвиненіе; но мы смѣло говоримъ, что у насъ не вывелась еще боязнь дать лошади движеніе, соответственное хорошему корму; иначе мы не видѣли бы на выводняхъ какихъ-то уродовъ, съ отвислыми животами. Мы боимся получить замѣчаніе за то, что у насъ лошади похудѣли; а по нашему мнѣнію, тотъ эскадронъ отлично содержанъ, который показываетъ вамъ каждаго коня съ овсяной лоциной на хребтѣ, и этотъ эскадронъ навѣрное не производитъ усыпляющаго впечатлѣнія движеніями своихъ лошадей. Но съ такимъ доводомъ, повторяемъ, до сихъ поръ не многіе были согласны.

Наступаетъ весна, вскорѣ за ней и лагерное время. Конница достается порядкомъ, и вахмистръ докладываетъ, что нѣкоторыя лошади отказываются отъ корма. Иначе и быть не можетъ. Подготовлена ли лошадь?... Нѣтъ. Оттого-то она и портится, оттого-то она и невынослива. Намъ могутъ указать на зимнія проѣздки. Да, это полезное походное движеніе и представляетъ дѣйствительно отрадное явленіе.

Но когда же оно возможно? Осенью гололедица, зимою то и дѣло, что стоять 15 — 20 градусовъ; да и что такое предписанное число проѣздовъ? Капля въ морѣ. Онѣ почти ничтожны для того, чтобы лошади втянулись, а люди приучились къ походному движенію, занятію аванпостовъ, бивуаковъ, къ разѣздамъ, словомъ ко всему тому, что даетъ развитіе и ловкато всадника, а не машину.

Тяжелы намъ такіе переходы отъ зимняго почти бездѣйствія къ весеннему напряженію силъ. Что такое манежное занятіе, въ смыслѣ приученія лошадей къ неустойчивости?...

На каждую изъ нихъ приходится не болѣе полутора часа въ недѣлю, считая на эскадронъ три манежныхъ дни. Остальные три должны быть заняты проѣздкой; но мы уже сказали о ней.

Если хорошенько позаняться въ манежѣ съ каждымъ рядовымъ, то и получаса не придется на каждую лошадь. Манежъ назначается съ 8 часовъ утра; но до 9 часовъ обучающій

больше занимается приученіемъ глаза къ разсматриванію предметовъ въ полутемнотѣ, чѣмъ ѣздой; только съ 9 часовъ онъ видитъ ясно свою сѣбну; въ эскадронѣ ихъ по крайней мѣрѣ четыре, а времени дано только до 11 часовъ. Но чтобы не вывести мокрыхъ лошадей, надо кончить занятія по крайней мѣрѣ за 20 минутъ, слѣдовательно на 128 лошадей пришлось 1 часъ 40 минутъ. Довольно ли этого для манежнаго занятія? Если вы поправляли каждаго солдата, то лошадь больше слушала ваши замѣчанія, чѣмъ двигалась; въ противномъ случаѣ, вы будете гонять всадниковъ почти безъ толку. Вечерніе часы назначаются отъ 2 до 5 часовъ, слѣдовательно отъ 2—3¹/₂, потому, что въ 3¹/₂ часа въ манежѣ совершенно темно.

Право, принявъ въ соображеніе все высказанное, приходится удивляться до восторга тому, что нерѣдко изъ всего этого выходитъ. Невольно припомнишь тотъ или другой лихой кавалерійскій подвигъ изъ недавняго: то придетъ на память пятикратная переправа широкаго Нѣмана вплавь, то лихой напоръ — по выраженію самихъ противниковъ — „до наглости дерзкій“, или мѣсяцами насчитываемые 40-верстные переходы, или переходы въ 50 и 60 верстъ въ сутки, а затѣмъ какой-нибудь молодецкій разѣздъ откатаетъ 120 верстъ въ 20 часовъ. То, что мы припомнили, есть былъ четырехъ полковъ, а не фразы.

И что же поназываютъ такіе примѣры? То, что тѣ, кому удавалось подолгу оставаться на избыточномъ кормѣ, а потомъ разомъ напрягаться, вернулись домой порядкомъ обезвоженные; тѣ же, которымъ не доставалось этого, *кто въ силу многихъ условий не заботился объ этомъ*, кто въ шесть недѣль имѣлъ пять дневокъ, да кормилъ мокрымъ снопомъ вмѣсто зерна, и то довольно скудно — тѣ и до сихъ поръ, спустя четыре года, указываютъ на совершенно крѣпкихъ, здоровыхъ лошадей прекрасной манежной ѣзды.

Но за то у нихъ не было брюха: оно замѣнилось сухимъ мускуломъ; а по приходѣ изъ похода лошади весь годъ были худы и на смотру стояли послѣднимъ номеромъ.

Изъ какихъ же лошадей состояли эти части? Укажемъ на ту часть, которая намъ болѣе извѣстна.

Въ ней на 60 лошадей приходилось казенно-конскихъ 13; лошадей 20 было заводовъ: Воейкова, Барятинскаго, Сабу-

рова, Сташкевича и проч., лучших поставщиковъ нашего ремонта; остальные были всякія.

Какъ заводскія лошади, такъ и степняки, должны входить въ нашъ ремонтъ. Допущеніе въ него послѣднихъ, дѣйствительно, должно составить улучшение, но только не съ одной военной стороны, а и съ экономической. Наша заводская ремонтная лошадь есть та же заводская упряжная, назначенная на гоньбу и перенесеніе всѣхъ суровостей нашего климата. Почему же упряжная выполняетъ свое назначеніе превосходно, а верховая оказывается нерѣдко негоднымъ выкоромомъ? Потому, что въ этомъ виноватъ ремонтеръ; виноватъ же онъ потому, что у него можетъ быть не хватаетъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствительно виноватъ въ глазахъ каждой строевой единицы. Намъ, строевымъ, нѣтъ дѣла до того, что можетъ купить ремонтеръ; мы говоримъ: не можешь привести хорошихъ лошадей, такъ не берись, потому что полкъ страдаетъ отъ дурнаго привода.

Отчего намъ и не имѣть степныхъ лошадей: давайте все, чѣмъ богата Россія.

Если бы Ташкентъ могъ соединиться съ нами дешѣвымъ и скорымъ путемъ сообщенія, давайте намъ коней и оттуда; составьте могучіе полки съ береговъ Иссы-куля, съ равнинъ Самарканда и Хивы. Но составьте ихъ цѣликомъ, безъ примѣся прочихъ кровей, не мѣшайте кадыка съ длиннымъ затылкомъ: это нужно и не для одной красоты. Съ условіемъ такой ровности въ данныхъ, каждый начальникъ, *если онъ душою принадлежитъ своему дѣлу*, сотворитъ вамъ много хорошаго изъ нашей конницы.

Коникиъ.